

Е. В. Воейков

Решение проблемы снабжения промтоварами рабочих лесозаготовок 1930-х гг.

Лес на протяжении многих столетий играл огромную роль в жизни русского народа, давая убежище от врагов, дополнительные пищевые ресурсы, дрова и строительные материалы. В годы предвоенной модернизации русскому лесу снова было суждено выполнить важнейшую задачу подготовки страны к будущей войне. Лесоэкспорт давал драгоценную для СССР иностранную валюту¹, на которую закупались лицензии для производства американских автомобилей и тракторов, оборудование для машиностроительных и металлургических заводов, образцы зарубежных танков и артиллерийских орудий, ставшие основой для отечественных разработок. Заготавливаемые на лесосеках наряду с другими видами древесины так называемые «спецсортименты» шли для предприятий военной промышленности, широко использовались при производстве самолетов. Лесозаготовки также давали материал для строительства, шпалы для железных дорог, рудничную стойку для шахт, сырье для производства бумаги. Кроме того, в условиях увеличившегося количества предприятий и роста населения городов обострился топливный вопрос. Дрова в 1930-е гг. стали заметной альтернативой основному угольному топливу; доля дров в топливном балансе СССР в конце второй пятилетки достигала 28%². Таким образом, именно для периода предвоенных пятилеток значение лесной промышленности трудно переоценить, в первую очередь в силу ее тесной взаимосвязи с военным и топливным секторами экономики.

В имеющихся научных работах именно бытовой сфере рабочих лесозаготовок 1930-х гг. уделяется неоправданно мало внимания. Так, в монографии С. П. Постникова и М. А. Фельдмана о промышленных рабочих России 1900–1941 гг. бытовые вопросы рассматриваются, но материал о лесных рабочих отсутствует³. В монографии по истории лесопромышленного комплекса Республики Коми в XX веке есть только краткая информация о состоянии жилья, продовольственном снабжении и медицинском обслуживании рабочих лесозаготовок 1930-х гг.⁴ В монографиях И. В. Зыкина исследуются питание, зарплата, жилищные условия рабочих лесной промышленности, но вопросы приобретения необходимых для нормальной жизнедеятельности непродовольственных товаров не рассматриваются⁵.

В наибольшей степени вопросы снабжения промтоварами представлены в научных работах историков, специализирующихся на исследовании различных аспектов организации торговли и истории повседневности⁶. Но большинство авторов рассматривают снабжение промтоварами в целом всего городского или сельского населения.

В результате в современной отечественной историографии экономического развития предвоенного СССР применительно к лесной промышленности образовалась существенная лакуна. В рамках промышленной истории авторы обобщающих трудов обычно игнорируют лесную индустрию или уделяют ей мало внимания. В свою очередь историки, специализирующиеся именно на лесной промышленности, не любят заниматься подробной реконструкцией бытовых аспектов, ограничиваясь обычно кратким описанием преимущественно вопросов питания и жилищных условий. Исследователи же истории повседневности 1930-х гг. вопросам обеспечения населения непродовольственными товарами легкой промышленности уделяют значительное место, но не ставят перед собой задачу более детального выявления специфики снабжения социальных групп в соответствии с отдельными отраслями индустрии.

Между тем, как вполне аргументированно отмечали еще основоположники французской школы «Анналов», история — это наука о людях в прошлом со всем многообразием их отношений⁷. При реконструкции развития лесной промышленности СССР исключение из ткани исторического процесса вопросов условий труда и быта рабочих приводит к упрощению и искажению многогранной исторической картины развернувшихся в 1930-е гг. от Бреста до Владивостока крупномасштабных лесозаготовок. Перефразируя ироническую мысль Л. Февра о средневековых крестьянах, которые в работах некоторых историков занимались не сельским хозяйством, а составлением грамот с перечнем прав и повинностей⁸, можно констатировать, что в современной отечественной историографии лесной промышленности периода первых пятилеток рубку и вывозку леса осуществляли не лесорубы и возчики с их естественными потребностями в еде, жилье, одежде, обуви и культурном досуге, а лесные тресты и наркоматы.

Применительно к развитию лесной промышленности СССР 1930-х гг. необходимо учитывать региональную специфику, поскольку размещение лесных массивов по территории страны отличалось крайней неравномерностью. Кроме того, основными заготовителями лесных материалов периода первой и второй пятилеток были лесопромышленные тресты Наркомата лесной промышленности СССР, лесохозяйственные тресты Наркомата земледелия, соответствующие структуры наркоматов тяжелой промышленности и железных дорог⁹. Фонды Наркомлеса, Наркомтяжпрома, Наркомзема и Наркомата путей сообщения СССР Российского государственного архива экономики о лесозаготовках 1930-х гг. содержат отрывочную и бессистемную информацию, не дающую возможности реконструировать целостную и систематизированную историю лесной промышленности данного периода. Между тем в региональных архивохранилищах сохранился гораздо больший массив информации о деятельности лесопромышленных и лесохозяйственных трестов¹⁰.

Ограниченные рамки журнальной статьи обусловили рассмотрение быта рабочих лесной промышленности на примере Среднего Поволжья. Территориальные границы исследования включают Средне-Волжский край (далее — СВК) первой половины 1930-х гг. и Куйбышевскую, Пензенскую области второй половины 1930-х гг. На данной территории в настоящее время расположены Пензенская, Самарская и Ульяновская области. Не рассматриваются в статье вышедшие из состава СВК и Куйбышевской области, соответственно, Оренбургская область и Мордовская АССР.

Основными лесозаготовителями СВК в первой половине 1930-х гг. были Средне-Волжский лесной трест «Средлес» Наркомтяжпрома СССР и Средне-Волжский лесохозяйственный трест (лесхозтрест) Наркомзема СССР. Вместо лесхозтреста в 1936 г. были созданы трест «Куйбышевлес» Наркомлеса СССР и Средне-Волжское территориальное управление лесоохраны и лесонасаждений Главлесоохраны при СНК СССР. «Средлес» в 1939 г. преобразовали в трест «Волгостройлес» Наркомата промышленности строительных материалов. Этот трест являлся самой крупной лесозаготовительной организацией в регионе, в 1938 г. он включал 18 леспромхозов и два лесокомбината; для сравнения, в том же году трест «Куйбышевлес» состоял из 9 леспромхозов¹¹. В архивохранилищах отложились материалы по лесозаготовкам преимущественно «Средлеса», «Куйбышевлеса» и управления лесоохраны.

Необходимо уточнить основные термины по теме исследования. Продовольственное и промтоварное снабжение леспромхозов треста «Средлес» осуществлял особый отдел Наркомата тяжелой промышленности — леспродтяж; его структуры на местах обозначались как межрайонные конторы (МРК). Так, в начале 1939 г. функционировали Барышская, Инзенская, Кузнецкая, Кузоватовская¹², Куйбышевская, Ульяновская МРК¹³. Производственные структуры лесопромышленных трестов назывались лесопромысловыми хозяйствами — леспромхозами (далее — ЛПХ). В свою очередь, они состояли из участков —

лесопунктов. Для непродовольственных товаров легкой промышленности в данной статье используется термин той эпохи — «промтовары».

Ассортимент непродовольственных товаров, реализуемых в 1930-е гг. для лесорубов через сеть ларьков и магазинов, включал одежду, ткань (по терминологии тех лет мануфактуру), обувь, табак, спички, мыло, посуду и кухонные принадлежности, керосин. Именно возможность приобретения одежды и обуви, которые трудно было найти в свободной продаже, зачастую являлась для рабочих лесозаготовок более привлекательным стимулом для найма именно на данный участок, чем получение традиционно низкой зарплаты. Например, для женской бригады, работающей на заготовках в Сызранском ЛПХ¹⁴ в ноябре 1931 г., был организован «особый премиальный фонд» из трех «дамских полупальто», пяти кофточек, пяти пар ботинок, семи пар перчаток и пяти шерстяных фуфаяк¹⁵. На совещании работников лесной промышленности Куйбышевской области 3 января 1939 г. начальник Новобуяновского лесопункта Куйбышевского леспромхоза «Куйбышевлеса» поделился с присутствующими собственным опытом по привлечению на лесозаготовки людей из колхозов. В конце декабря данный руководитель договорился с райпотребсоюзом, и в магазин лесопункта поступило 40 теплых брюк, еще 40 обычных хлопчатобумажных брюк и несколько пар ботинок. Сразу же количество колхозников, желающих поработать в качестве рабочих на лесозаготовках, заметно увеличилось¹⁶. Также различные виды дефицитных тканей, одежды и бытовой техники в третьей пятилетке были одним из вариантов премирования стахановцев лесной промышленности Куйбышевской области¹⁷.

Система промтоварного снабжения лесозаготовок Средней Волги формировалась постепенно. На пленуме крайкома профсоюза лесдреврабочих СВК 20–22 мая 1932 г. председатель правления озвучил информацию, что если «по хлебофуражу мы были обеспечены на 100%», то по промтоварам — на 54%¹⁸. Представляет интерес отложившийся в фонде первичной парторганизации Черемшанского ЛПХ¹⁹ треста «Средлес» акт обследования промтоваров в ларьке производственного участка № 2 от 23 февраля 1931 г. Помимо продовольствия, на момент обследования имелись: мануфактура (ткань), сукно, «головные платки ситцевые» (114 шт.), фуфайки (2 шт.), шерстяные свитера (4 шт.), «нательные фуфайки» (7 шт.), кальсоны (2 пары), чулки шерстяные (3 пары), шарфы шерстяные (5 шт.), «пиджак ватный» (1 шт.), «пиджак летний шерстяной» (1 шт.). «Совершенно не оказалось при ларьке следующего: 1) чайников, 2) ведер, 3) кружек, 4) котелков, 5) ложек, 6) соли, 7) керосину, 8) спичек, 9) ламп керосиновых»²⁰. На участке № 3 того же леспромхоза комиссия отметила, что в ларьке «совершенно нет металлических кружек, ножей и ложек, на что особенно большой спрос», «из имеющихся жестяных чайников большой процент подтекает»²¹. Как видно из приведенного перечня, в относительно достаточном количестве присутствовали в продаже ткань и головные платки; пользующиеся спросом фуфайки и пиджаки имелись только в количестве одного-двух

экземпляров. Полностью отсутствовали в продаже спички, керосин и кухонные принадлежности.

Ситуация с промтоварным снабжением в начале 1930-х гг. была неблагополучной по всей стране. Е. А. Осокина приводит данные, что в Москве потребность в одежде и обуви удовлетворялась на треть, в нитках — на 20 %, спички выдавали по два коробка в одни руки²². Газета профсоюза рабочих леса и сплава сообщала о ситуации на одном из лесопунктов Северного края в начале 1930 г.: «Нет теплых носков, готовой одежды, мануфактуры, нет металлических кружек»²³.

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1933 г. в обязанности администрации лесозаготовок входило наряду с продовольственным обеспечением снабжение рабочих промтоварами²⁴. Решить проблему промтоварного снабжения лесозаготовок сразу одним постановлением Совнаркома не удалось. На Гурьевском участке Барышского ЛПХ, как сообщала в начале февраля 1934 г. районная газета, «продовольственные и промтовары не выдавались»²⁵. Газета Ставропольского²⁶ района в 1935 г. указывала, что на Бахилловском участке Жигулёвского леспромхоза²⁷ «Средлеса» мануфактуры и других промтоваров нет²⁸.

Но определенные результаты по созданию системы торговых точек были достигнуты. В двух докладных записках руководителя леспродтяжа, направленных в Куйбышевский обком ВКП(б), содержались количественные показатели наличия торговых точек по МРК треста «Средлес». Согласно документу от 15 января 1939 г., стационарных пунктов торговли леспродтяжа в Куйбышевской области было 111, по данным 26 января их число выросло до 114²⁹. В конце 1938 г. в тресте «Средлес» было 15 леспромхозов, из них 12 — в Куйбышевской области³⁰. Можно подсчитать, что в конце января в среднем на каждую производственную единицу (леспромхоз) в Куйбышевской области приходилось 9,5 магазина. Обычно в леспромхозах треста насчитывалось 4–5 участков. Следовательно, по количеству ларьков (магазинов) ситуацию следует признать благополучной, можно утверждать, что они были в каждом лесопункте.

Представляется важным выделить некоторые факторы, влиявшие на дефицит промтоваров на лесозаготовках Средней Волги, помимо общего недостаточного их количества в стране.

Важным аспектом промтоварного снабжения лесозаготовок в 1930-е гг. был человеческий фактор. Дефицит товаров усугублялся злоупотреблениями при их распределении по торговым точкам, до которых они зачастую просто не доходили. На совещании работников леспромхозов треста «Средлес» в ноябре 1938 г. представитель торговой организации леспродтяж Куйбышевской области откровенно говорил, что дефицитные ткань и обувь «расходятся по рукам», представители рабочего контроля появлялись в торговых точках только «чтобы сказать, оставь и мне». Кроме того, как признался работник торговли, «иногда и просто жулик попадает за прилавком»³¹.

Подобное явление, по мнению современных исследователей, было типичным для торговли в СССР 1930-х гг.: «Поступавшие с баз дефицитные товары зачастую даже не попадали на полки магазинов, а реализовывались заведующими отделов и администрацией по собственному усмотрению»³².

Сохранились сведения о махинациях работников торговли с велосипедами, предназначенными для работников лесной промышленности. На первой областной конференции Куйбышевского обкома профсоюзов рабочих леса и сплава 5–10 октября 1937 г. прозвучала информация: «Трест МРК прислал велосипеды для стахановцев, в результате они попали кому? — управляющему леспродтяжа, его заместителю»³³. В Карсунском ЛПХ³⁴ треста «Средлес» в 1937 г. полученные для стахановцев два велосипеда местные руководители торговли взяли себе³⁵. Стахановец Ульяновского леспромхоза Д. Г. Зайцев на совещании работников треста «Средлес» 10–12 ноября 1938 г. рассказал присутствующим: «Прислали к нам один велосипед, он был предназначен для стахановца, а фактически он ушел... Соколову, завбазой». Далее в стенограмме записана реплика из президиума: «У вас должно быть 9 велосипедов, проверьте»³⁶. Работником Куйбышевского леспродтяжа на том же совещании был озвучен показательный факт: в течение двух кварталов 1938 г. было получено для торговых точек леспромхозов 100 велосипедов, которые до стахановцев так и не дошли³⁷.

О широком распространении злоупотреблений свидетельствует выступление руководителя Кузнецкой МРК леспродтяжа на совещании хозяйственного и профсоюзного актива лесной промышленности в октябре 1937 г.: «По распоряжению тов. Глухова³⁸ мы ввели штат ревизоров, ввели практику внезапных ревизий и стали, к нашему удивлению, выявлять еще больше растрат»³⁹. В протоколе Лунинского ЛПХ⁴⁰ от 22 июня 1940 г. упоминается «подбор негодных кадров торговых точек, занимавшихся систематическим хищением, разбазариванием промтоваров»⁴¹.

Злоупотребления работников торговли были системным явлением в леспроме СССР. Так, во всяком случае, считали авторы заметки в газете «Лесная промышленность»: «Огромные материальные ценности доверены случайным, непроверенным, людям, часто с уголовным прошлым, растратчикам со “стажем”»⁴².

Помимо леспромхозов «Средлеса» леспродтяж в Куйбышевской области снабжал товарами и рабочих лесхозов лесоохраны. В годовом отчете Средне-Волжского управления лесоохраны за 1937 г. в качестве серьезного препятствия в ходе работ отмечалось проблемное снабжение промтоварами рабочих, связанное с бесконтрольной деятельностью торгующей организации Союзлеспродтяж⁴³. Руководитель управления лесоохраны Г. И. Харламов на первой областной конференции Куйбышевского обкома профсоюзов рабочих леса и сплава 1937 г. обвинил руководство леспродтяжа и «Средлеса» в сознательной дискриминации работников лесхозов, которым зачастую не продавали

товары в торговых точках⁴⁴. Другой выступающий подтвердил: «Промтовары не получают лесхозовские рабочие»⁴⁵. В последующие годы проблема продолжала сохраняться. На второй областной конференции Куйбышевского профсоюза рабочих леса и сплава 26 октября 1939 г. работник Барышского районного профсоюзного комитета обратил внимание на то, что все промтовары уходят в леспромхозы, лесхозы ими почти не снабжаются⁴⁶.

Еще одним фактором, обусловившим проблемы с промтоварным снабжением, стало отсутствие своей ведомственной торговой сети у треста «Куйбышевлес». На совещании партторгов леспромхозов при Куйбышевском обкоме ВКП(б) 15 июня 1939 г. главный инженер треста «Куйбышевлес» в своем выступлении дал системе снабжения следующую характеристику: «Своего промторга “Куйбышевлес” не имеет, он снабжается облпотребсоюзом, который нам достаточного внимания не уделяет, и на сегодняшний день мы имеем сигналы о перебоях в промтоварах...»⁴⁷ Заявление руководителя подтверждается сведениями по отдельным леспромхозам. Например, директор Черемшанского ЛПХ на совещании хозяйственного и профсоюзного актива лесной промышленности в октябре 1937 г. заявил, что рабочие уже 2–3 года не получали мануфактуру⁴⁸.

В числе проблем промтоварного снабжения лесозаготовок 1930-х гг. следует отметить случаи, когда ассортимент завозимых промтоваров не соответствовал потребностям рабочих лесной промышленности. Так, в Шенталинском ЛПХ «Средлеса» в торговые точки в конце 1931 г. поступили женские пальто по 235 руб., шелковые платья по 90 руб.⁴⁹ Данные товары являлись для колхозников и постоянных лесных рабочих слишком дорогими. Зарплата директора леспромхоза треста «Средлес» в середине 1930-х гг. была 360 рублей, специалиста по лесоэксплуатации — 275 рублей, заведующих участками — 250 рублей⁵⁰. Рабочие получали зарплату в зависимости от количества выработки; обычно она не превышала несколько сотен рублей в месяц. Поэтому цена за пальто в размере месячной зарплаты или сторублевое платье являлись для основной массы работников леспромхозов непоколебимой роскошью.

В постановлении Средне-Волжского крайисполкома от 3 февраля 1932 г. «О выполнении программы лесозаготовок по Инзенскому и Мелекесскому⁵¹ леспромхозам» четвертым пунктом в перечне причин неудовлетворительного результата лесозаготовок четвертого квартала 1931 г. отмечалось: «На лесозаготовки забрасываются неходовые товары, не отвечающие спросу рабочих и недоступные им по цене»⁵².

Завоз в торговые точки не пользующихся спросом товаров не был спецификой только лесозаготовок Средне-Волжского края. В граничащей с рассматриваемым в статье регионом Татарской АССР в декабре 1932 г. в акте обследования Мамадышского лесхоза Татлесхозтреста отмечалось: «...ассортимент товаров совершенно не соответствует потребности и запросам лесоруба (шелковые чулки, кружева, зимой — ботинки). Крайне необходимые теплые вещи — валенки, фуфайки, шаровары — совершенно отсутствуют»⁵³.

Как представляется автору статьи, отправка на лесозаготовки товаров, которые больше подходили жителям крупных городов, чем постоянным и сезонным рабочим в сельской местности, свидетельствует больше о профнепригодности чиновников системы торговли, чем об общем дефиците промтоваров в стране. Проблема постепенно решалась. Так, относительно периода конца второй — третьей пятилеток в протоколах совещаний и профсоюзных конференций, где обсуждались многочисленные проблемы лесозаготовок, не удалось обнаружить упоминаний о засылке в торговые точки леспромхозов Куйбышевской области дорогих и неходовых товаров.

Среди сезонных рабочих лесной промышленности Среднего Поволжья периодически возникало недовольство многочисленными проблемами в сфере торговли промтоварами. В докладной записке обследовавшей Николо-Пестровский леспромхоз⁵⁴ «Средлеса» бригады культпросветотдела Куйбышевского крайкома ВКП(б) от 3 марта 1937 г. приводился пример такого протестного настроения: «На Сабановском участке один из рабочих, увидев плакат со стахановцем леса, заявил: “Тоже рисуют, будто бы наш рабочий человек-лесоруб ходит в полушубке, а не во всяком рванье. Такая-то (нецензурно) жизнь, такое-то (нецензурно) правительство”»⁵⁵.

Парторг Шенталинского леспромхоза «Куйбышевлеса» на совещании 15 июня 1939 г. привел в пример эпизод, когда на собрании, посвященном проработке решений XVIII партсъезда, один из лесорубов задал вопрос: «Почему мы перегнали капиталистические страны, а у нас недостаток мануфактуры?» Показательна реакция приезжего пропагандиста: «Агитатор ответил, что такие вопросы задают только враги народа»⁵⁶.

Аналогичные высказывания рабочих лесозаготовок фиксировались и в других регионах страны. Так, в примыкавшей с севера к Куйбышевской области Чувашской АССР в декабре 1935 г. на собрании в Вурнарском леспромхозе «Чувашлеса» рабочий Иван Васильев заявил, что «раньше товаров было больше, в магазинах были полные полки, и что хочешь, а сейчас нет»⁵⁷.

Интересно отметить, что работники леспромхозов иногда пытались бороться со злоупотреблениями работников торговли. На партсобрании Карсунского леспромхоза 25 октября 1937 г. работник МРК И. Н. Бочкарев вынужден был объяснять присутствующим, куда делись предназначенные для стахановцев велосипеды: «Они поступили без всякого указания, кому их продать. Я лично сам велосипед не брал. У меня он находился, потому что мы его взяли для организации, а бухгалтерия без меня из моей зарплаты за него вычла и оставила его за мной»⁵⁸. Один велосипед после начавшегося разбирательства в Карсунском ЛПХ был все же передан стахановцу. И. Н. Бочкареву был объявлен строгий выговор.

Стахановец Ульяновского ЛПХ Д. Г. Зайцев на уже упоминавшемся ноябрьском 1938 г. совещании работников «Средлеса» поделился с присутствующими следующим эпизодом: накануне ноябрьских праздников в леспромхоз

завезли промтовары. Продавец отрезал по пять метров своим знакомым. «Мы на него составили акт... обсудили этот вопрос... вынесли продавцу по профсоюзной линии строгий выговор и сняли с работы»⁵⁹.

На отдельных участках администрация леспромхозов пыталась решить вопрос снабжения промтоварами. Выступавший на совещании леспромхозов при Куйбышевском обкоме ВКП(б) 15 июня 1939 г. парторг Шенталинского ЛПХ⁶⁰ «Куйбышевлес» рассказал, что рабочие жаловались на отсутствие товаров, особенно мануфактуры. Поэтому пришлось несколько раз ездить вместе с председателем райпотребсоюза в райком ВКП(б). В конечном итоге «райком заставил торговать мануфактурой в наших лесопунктах»⁶¹.

В рамках исследования можно проследить определенную эволюцию решения проблемы дефицита промтоваров на лесозаготовках. В проработанных автором данной статьи сохранившихся в архиве протоколах партсобраний Пензенского леспромхоза за 1934–1936 гг. и Лунинского леспромхоза «Средлеса» за 1933–1941 гг. упоминания о серьезных проблемах в снабжении промтоварами отсутствуют⁶². При этом перебои с поступлением продовольствия и недостатки жилищной сферы в указанных документах фиксировались. В докладной записке уполномоченного Куйбышевского обкома ВКП(б), командированного в Барышский леспромхоз «Средлеса» в январе 1939 г., давалась характеристика бытовых условий рабочих лесозаготовок с указанием недостатков, но в отношении промтоваров никаких проблем отмечено не было⁶³. Исходя из приведенных данных, можно утверждать, что проблема дефицита промтоваров в отдельных леспромхозах в конце второй — начале третьей пятилетки утратила прежнюю остроту, характерную для первой половины 1930-х гг.

В некоторых леспромхозах перебои в поступлении фиксировались уже только для отдельных видов товаров. На Труслейском участке Инзенского леспромхоза «Средлеса» осенью 1935 г. был недостаток керосина⁶⁴. На партсобрании Кузоватовского ЛПХ «Средлеса» 14 декабря 1936 г. отмечалось отсутствие спичек и керосина⁶⁵. В протоколе партсобрания Карсунского ЛПХ «Средлеса» 24 декабря 1936 г. имеется упоминание о перебоях в поступлении папирос и махорки⁶⁶. Отсутствие спичек, папирос или являвшегося основным топливом для керогазов и примусов керосина в торговых точках леспромхозов, безусловно, создавало существенные неудобства в быту рабочих. Но гораздо более серьезные проблемы возникли бы у лесорубов при отсутствии в продаже одежды и обуви. Тем более что в других регионах страны фиксировались именно такие явления. Например, в докладе руководителя леспродторга расположенного в соседнем регионе треста «Чувашлес» Наркомлеса СССР в апреле 1938 г. подчеркивалось: «Такие товары, как галоши, трикотаж, мануфактура, готовое платье, в наших магазинах можно очень редко встретить»⁶⁷. Обращает на себя внимание, что на совещаниях и профсоюзных конференциях лесозаготовителей Куйбышевской области 1937–1939 гг. преобладали упоминания о перебоях с мануфактурой и махинациях с велосипедами. Сведения о дефиците других

промтоваров в источниках периода третьей пятилетки становятся редкими. На совещании партторгов леспромхозов при Куйбышевском обкоме ВКП(б) 15 июня 1939 г. упоминались поступившие в продажу такие редкие товары, как велосипеды, швейные машины, патефоны⁶⁸.

Интересную закономерность подметил руководящий работник Куйбышевского леспродтяжа на совещании работников ЛПХ «Средлеса» 1938 г. По его мнению, очень многое зависело от личных контактов директора леспромхоза с работниками леспродтяжа в данном районе. Например, в Майнском, Сентилеевском ЛПХ товары почти не попадали к рабочим лесозаготовок, в то время как в Кузнецком леспромхозе большая часть товаров дошла до рабочих⁶⁹.

Подводя итоги, следует также учесть, что в годовых отчетах лесных трестов и управлений лесоохраны приведение сведений по промтоварному снабжению рабочих не предусматривалось. На совещаниях и партсобраниях не избалованные высоким уровнем жизни люди жаловались в первую очередь на самые острые проблемы с питанием и жильем. Поэтому обычно краткие упоминания о поступлении в торговые точки на лесозаготовках промтоваров встречаются в архивных материалах не так часто. Настоящее исследование стало результатом длительного кропотливого процесса поиска материалов в архивах и библиотеках и менее длительной, но тоже весьма сложной работы по обработке и систематизации полученной отрывочной и зачастую малопонятной информации. Данная статья не закрывает окончательно тему промтоварного снабжения лесозаготовок в Средневолжском регионе, многие аспекты нуждаются в уточнении и детализации. Но определенные выводы можно сделать.

Следует констатировать, что ситуация с обеспечением непродовольственных промтоваров лесозаготовок Куйбышевской области заметно улучшилась к началу третьей пятилетки. Эта тенденция прослеживается преимущественно по леспромхозам наиболее крупного регионального лесозаготовителя треста «Средлес». Наибольший объем проблем со снабжением промтоварами наблюдался на лесозаготовках треста «Куйбышевлес», у которого отсутствовала ведомственная торговая сеть. Местнические интриги руководителей треста «Средлес» привели к дискриминации в обеспечении промтоварами работников местного территориального управления лесоохраны.

Во многом проблемы со снабжением промтоварами работников лесной промышленности в рассматриваемом в статье регионе были обусловлены не столько общим их дефицитом по стране, сколько человеческим фактором работников торговли, которые отдельным товарам не позволяли дойти до прилавка. Проблемы промтоварного снабжения лесозаготовок Средней Волги были типичными для ряда других регионов страны.

- ¹ Подробнее см.: *Рутасов А. И.* Лесной экспорт СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и конкуренция на европейском рынке // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 1. С. 82–98.
- ² Подробнее см.: *Воейков Е. В.* Стахановцы лесозаготовок Пензенского края в 1930-е гг. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки.* 2019. Т. 1. № 2. С. 56.
- ³ *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 156–158.
- ⁴ *Бондаренко О. Е., Князева Г. А., Турубанов А. Н.* Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2004. С. 42–43, 47–49, 50–52.
- ⁵ См., например: *Зыкин И. В.* «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. Екатеринбург, 2021.
- ⁶ См., например: *Кладова К. Ю.* «Дефицитные товары — злоба дня»: к вопросу об обеспеченности курганцев товарами легкой промышленности в 1920–1930-х гг. // *Вестник Томского государственного университета.* 2016. № 413. С. 123–128; *Макарова Н. Н.* «Не снабжают, а издеваются над нами...»: система снабжения Магнитогорска (1929–1935) // *Вестник Пермского университета. История.* 2010. Вып. 1 (12). С. 90–99.
- ⁷ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 18.
- ⁸ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 12.
- ⁹ *Николаев С. А.* Лесозаготовки во втором пятилетии // *Лесная индустрия.* 1934. № 11. С. 14.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Воейков Е. В.* История лесной промышленности Поволжья предвоенных пятилеток в материалах архивных фондов: проблема исчезнувших документов // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки.* 2022. Т. 4. № 1. С. 32–38.
- ¹¹ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. Р-1810. Оп. 3. Д. 16. Л. 144; Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 13. Л. 198.
- ¹² Барыш, Инза, Кузоватово — райцентры современной Ульяновской области, город Кузнецк — райцентр современной Пензенской области.
- ¹³ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее — СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 30. Д. 468. Л. 43.
- ¹⁴ Город Сызрань — райцентр современной Самарской области.
- ¹⁵ *Степанов.* Женская бригада лесорубов // *Борьба за лес.* 1931. 21 ноября.
- ¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 474. Л. 47–48.
- ¹⁷ *Воейков Е. В.* Стахановцы лесозаготовок Пензенского края в 1930-е гг. С. 61.
- ¹⁸ Обеспечить выполнение планов и полное снабжение заводов лесоматериалами. Доклад председателя правления союза лесдреврабочих Щепетова на 4 пленуме // *Борьба за лес.* 1932. 5 июня.
- ¹⁹ Населенный пункт Новочеремшанск расположен в Новомалыклинском районе современной Ульяновской области.
- ²⁰ СОГАСПИ. Ф. 2274. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 — 6 об.
- ²¹ Там же. Л. 9.
- ²² *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 78.
- ²³ Товарный голод в лесу // *Лесной рабочий.* 1930. 8 января.
- ²⁴ *Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР.* 1933. № 18. Ст. 100 (пункт 10).
- ²⁵ *Логинова.* Колхозы стоят в стороне от лесозаготовок // *Коммунист (Барыш).* 1934. 5 февраля.
- ²⁶ Город Ставрополь (на Волге) был в 1964 г. переименован в Тольятти.
- ²⁷ Контора леспромхоза находилась в селе Рождествено, населенный пункт в Волжском районе современной Самарской области.
- ²⁸ Лесоруб-колхозник. Бесконечные ссылки на «завтра» // *Большевистская трибуна (Ставрополь).* 1935. 2 февраля.

- 29 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 468. Л. 43–44, 67.
- 30 ГАУО. Ф. Р. 1810. Оп. 3. Д. 16. Л. 144.
- 31 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 29. Д. 23. Л. 58 об.
- 32 *Ногина Е. В., Ушмаева К. А.* Механизмы хищения государственной собственности в условиях плановой экономики 1930-х годов // Преподаватель XXI век. 2020. № 4. С. 326.
- 33 СОГАСПИ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 1. Л. Л. 137.
- 34 Карсун — райцентр современной Ульяновской области.
- 35 Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее — ГАНИУО). Ф. 1672. Оп. 1. Д. 5. Л. 55 об. — 56.
- 36 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 29. Д. 23. Л. 67.
- 37 Там же. Л. 104.
- 38 Н. П. Глухов — руководитель областной конторы леспродтяжа.
- 39 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 28. Д. 258. Л. 55.
- 40 Лунино — райцентр современной Пензенской области.
- 41 Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. П-1202. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.
- 42 *Миров Д., Горский В.* Болезни Союзлеспродторга // Лесная промышленность. 1938. 27 мая.
- 43 Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 9449. Оп. 1. Д. 323. Л. 45.
- 44 СОГАСПИ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.
- 45 Там же. Л. 170.
- 46 Там же. Д. 10. Л. 153.
- 47 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 107. Л. 19.
- 48 Там же. Оп. 28. Д. 258. Л. 53.
- 49 Из леса пишут. Шубин одевает лесорубов // Борьба за лес. 1931. 23 декабря.
- 50 ГАНИУО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
- 51 Город Мелекес был в 1972 г. переименован в Димитровград, райцентр современной Ульяновской области.
- 52 ГАПО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 689. Л. 93 об.
- 53 Государственный архив Республики Татарстан (далее — ГАРТ). Ф. Р. 1435. Оп. 1. Д. 118. Л. 39.
- 54 Никольская Пестровка — в настоящее время город Никольск, райцентр современной Пензенской области.
- 55 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 28. Д. 294. Л. 10.
- 56 Там же. Оп. 30. Д. 107. Л. 47.
- 57 Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее — ГАСИЧР). Ф. 848. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 58 ГАНИУО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 5. Л. 55 об. — 56.
- 59 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 29. Д. 23. Л. 66–67.
- 60 Шентала — райцентр современной Самарской области.
- 61 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 107. Л. 45.
- 62 ГАПО. Ф. П-1202. Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 15, 17, 18, 20, 22, 23, 24; Ф. П-2803. Оп. 1. Д. 3, 4, 5.
- 63 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 468. Л. 65.
- 64 ГАНИУО. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 5. Л. 109.
- 65 ГАНИУО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 12. Л. 40 об.
- 66 ГАНИУО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- 67 ГАСИЧР. Ф. 1. Оп. 19. Д. 205. Л. 18.
- 68 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 107. Л. 36.
- 69 Там же. Оп. 29. Д. 23. Л. 58 об.

References

- BLOK M. *Apologiia istorii, ili Remeslo istorika*. [The apology of history, or the Craft of the historian. In Russ.]. Moscow, 1986.
- BONDARENKO O. E. *Lesnoi kompleks Respubliki Komi v 20 veke*. [The forest complex of the Komi Republic in the 20th century. In Russ.]. Syktyvkar, 2004.
- FEVR L. *Boi za istoriiu*. [Battles for History. In Russ.]. Moscow, 1991.
- KLADOVA K. Iu. “Defitsitnye tovary — zloba dnia”: k voprosu ob obespechennosti kurgantsev tovarami legkoi promyshlennosti v 1920–1930-kh gg. [“Scarce goods are the rage of the day”: on the issue of the provision of Kurgan residents with light industry goods in the 1920s–1930s. In Russ.] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. No. 413. P. 123–128.
- MAKAROVA N. N. “Ne snabzhaiut, a izdevaiutsia nad nami...”: sistema snabzheniia Magnitogorska (1929–1935). [“They do not supply us, but mock us...”: Magnitogorsk supply system (1929–1935). In Russ.] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia. 2010. No. 1 (12). P. 90–99.
- NOGINA E. V., USHMAEVA K. A. *Mekhanizmy khishcheniia gosudarstvennoi sobstvennosti v usloviakh planovoi ekonomiki 1930-kh godov* [Mechanisms of theft of state property in the conditions of the planned economy of the 1930s. In Russ.] // Prepodavatel' XXI vek. 2020. No. 4. P. 322–334.
- OSOKINA E. A. *Za fasadom “stalinskogo izobiliiia”*: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniia v gody industrializatsii. 1927–1941. [Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941. In Russ.]. Moscow, 1999.
- POSTNIKOV S. P., FEL'DMAN M. A. *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [The socio-cultural image of the industrial workers of Russia in 1900–1941. In Russ.]. Moscow, 2009.
- RUPASOV A. I. *Lesnoi eksport SSSR v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh gg. i konkurentsiia na evropeiskom rynke* [Timber exports of the USSR in the late 1920s — early 1930s and competition in the European market. In Russ.] // Noveishaia istoriia Rossii. 2018. Vol. 8. No. 1. P. 82–98.
- VOEIKOV E. V. *Istoriia lesnoi promyshlennosti Povolzh'ia predvoennykh piatiletok v materialakh arkhivnykh fondov: problema ischeznuvshikh dokumentov*. [The history of the forest industry of the Volga region of the pre-war five-year plans in the materials of archival funds: the problem of missing documents. In Russ.] // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 32–38.
- VOEIKOV E. V. *Stakhanovtsy lesozagotovok Penzenskogo kraia v 1930-e gg.* [Stakhanovites logging Penza region in the 1930s. In Russ.] // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 55–63.
- ZYKIN I. V. “Zelenoe zoloto” industrializatsii: Lesopromyshlennyi kompleks Ural'skogo regiona v kontse 1929 g. — pervoi polovine 1941 g. Ekaterinburg. [The “green gold” of industrialization: The timber industry of the Ural region at the end of 1929 — the first half of 1941. In Russ.]. Yekaterinburg, 2021.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. В. Воейков. Решение проблемы снабжения промтоварами рабочих лесозаготовок 1930-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 65–78

Аннотация: Лесозаготовки в 1930-е гг. имели особое значение, так как были связаны с оборонной промышленностью и преодолением топливного дефицита. В статье рассматривается важный аспект быта рабочих лесозаготовок. Продажа в торговых точках на местах работ дефицитных промтоваров в годы предвоенных пятилеток оказывала серьезное влияние на производственный процесс. В научной исторической литературе бытовая сфера рабочих лесозаготовок недостаточно изучена. Снабжение непродовольственными промтоварами населения в 1930-е гг. исследуется учеными в рамках истории повседневности, но без дифференциации по отраслям промышленности. Тема статьи рассмотрена на материалах лесозаготовок Среднего Поволжья в контексте общей ситуации по стране. Источниковой базой статьи стали фонды региональных архивохранилищ Пензенской, Самарской, Ульяновской областей и материалы периодической печати предвоенных пятилеток. В тресте «Средлес» существовала ведомственная система промтоварного снабжения, что позволило создать приемлемую инфраструктуру торговли для лесорубов. Во второй половине 1930-х гг. катастрофический дефицит промтоваров на лесозаготовках этого треста был в основном преодолен. Трест «Куйбышевлес» и Средне-Волжское управление лесоохраны своей ведомственной торговой системы не имели, что привело к нерегулярному снабжению

промтоварами его лесозаготовок в годы второй и третьей пятилеток. Серьезной проблемой в 1930-е гг. стали злоупотребления работников торговли, из-за которых многие дефицитные товары не доходили до прилавка. Иногда на лесозаготовки завозились товары, не пользующиеся спросом. Проблемы снабжения лесозаготовок Средне-Волжского края и Куйбышевской области были типичны для многих регионов СССР.

Ключевые слова: промтовары, лесозаготовки, Средне-Волжский край, трест «Средлес», трест «Куйбышевлес», мануфактура, велосипеды.

FOT CITATION

E. V. Voikov. Solving the problem of supplying industrial goods to logging workers of the 1930s // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 65–78

Abstract: Logging in the 1930s was of particular importance, as it was associated with the defense industry and overcoming the fuel shortage. The article discusses an important aspect of the life of logging workers. The sale of scarce manufactured goods in retail outlets at the places of work during the pre-war five-year plans had a serious impact on the production process. In the scientific historical literature, the household sphere of logging workers is insufficiently studied. Supply of non-food manufactured goods to the population in the 1930s is studied by scientists within the framework of the history of everyday life, but without differentiation by industry. The topic of the article is considered on the materials of logging in the Middle Volga region in the context of the general situation in the country. The source base of the article was the funds of the regional archives of the Penza, Samara, Ulyanovsk regions and the materials of the periodical press of the pre-war five-year plans. The Sredles Trust had a departmental system of industrial supply, which made it possible to create an acceptable trade infrastructure for loggers. In the second half of the 1930s the catastrophic shortage of manufactured goods in its logging operations was mostly overcome. The Kuibyshevles Trust and the Middle Volga Forest Protection Department did not have their own departmental trading system, which led to an irregular supply of industrial goods to its logging operations during the second and third five-year plans. A serious problem in the 1930s was the abuse of trade workers, because of which many scarce goods did not reach the counter. Sometimes goods that were not in demand were imported for logging. The problems of logging supply in the Middle Volga Region and Kuibyshev region were typical for many regions of the USSR.

Key words: industrial goods, logging, Sredne-Volzhsy Krai, Sredles Trust, Kuibyshevles Trust, manufactory, bicycles.

Автор: Воейков, Евгений Владимирович — д. и. н., доц., проф. кафедры «История России и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета.

Author: Voikov, Evgeniy V. — Dr. of historical sciences, docent, professor at the department History of Russia and methods of teaching history.

E-mail: evgenijvoeikov@yandex.ru